

Ирина Тялина

В пасти дъвола



Ирина Тялина

В пасти дьявола

<https://litres.ru/74546489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Россия, XVIII век. Над древним княжеским родом Щетининых тяготеет проклятие, произнесённое умирающей крымской пленницей больше полувека назад. С тех пор род не знает покоя: одни умирают молодыми, другие — бесплодны, третьи — сходят с ума. Проклятие передаётся по крови, от отца к сыну, от матери к дочери. Оно в эгоизме, в гордыне, в неумении любить. Снять его можно лишь тому, кто сумеет выбраться из пасти дьявола — или сделать шайтана.

Но что это значит? Никто не знает. Проклятие живёт своей жизнью, забирая одного за другим. И когда кажется, что надежды нет, рождается тот, кто может всё изменить. Сможет ли род Щетининых избавиться от проклятия? Или исчезнет навсегда, как сотни других?

Историческая сага о роде, любви, предательстве и цене, которую платит человек за право быть собой.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирина Тялина

В пасти дьявола

Глава 1

Стоял ноябрь 1740 года.

Кучер Степан, здоровый детина двадцати годов, укутавшись в длинный плащ, понукал лошадей, что нехотя тащились по промозглой, скользкой от грязи дороге. Пассажиры — пожилой человек и совсем ещё юная девушка — молча глядели на дорогу, которой, казалось, не было ни конца, ни края.

— Батюшка, — тихо начала Наташа, не отводя взгляда от окна.

Иван Андреевич, задремавший было под мерный стук колёс, приоткрыл глаза.

— Мм?

— Я хотела спросить... — она запнулась, подбирая слова. — Курлыкин... он ведь больше не приезжал?

Иван Андреевич помолчал. Потом вздохнул тяжело, как вздыхает человек, которому предстоит сказать неприятное:

— Не приезжал, — ответил он. — Гуляет где-то, пьяница. Сраму не оберёшься с таким-то зятем.

— Так, может... — Наташа наконец обернулась к отцу. В

глазах — ни слёз, ни мольбы. Только тихая, упрямая надежда. — Может, и вовсе не надо этой свадьбы, папенька? Ежели он человек такой...

— Что значит — не надо? — Иван Андреевич нахмурился, но в голосе не было гнева. Была усталость. — Слово дано, Наташа. Уговор был. День свадьбы назначен. Я отцу его обещал, перед кончиной его слово давал. Это всё по молодости, Наташенька. Бог даст, остепенится.

— А что, ежели он и на свадьбу не явится? — тихо спросила она. — Слышала я ненароком про гуляния его в Москве. И это накануне свадьбы, а что далее будет?

Иван Андреевич долго молчал. Потом заговорил — глухо, будто через силу:

— Я понимаю твои чувства, Наташа. Молод он. А тут такое богатство после отца осталось. Вот голову ему и снесло. А вот как поженитесь, я шальные деньги его в оборот возьму и к делу приобщу. Авось остепенится твой жених. Я купец. Мне капитал не даром достался. Я всю жизнь горбом своим наживал, а теперь хочу, чтобы и ты в достатке жила. У него состояние такое, что нам с тобой и не снилось. С ним породниться — это... это в люди выйти. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — тихо сказала она. — Только боюсь я его: грубый он, неотёсанный. Стоило мне с ним наедине остаться — тётушка оставила нас буквально на минутку, — так он с непристойностями полез, словно я девка дворовая. Хорошо, тётушка быстро вернулась. Не то быть беде.

Иван Андреевич дёрнулся, будто его самого ударили.

— Наташа...

— Я не жалуюсь, батюшка, — она покачала головой. — Я просто говорю. Вы ведь сами знаете, какой он. И всё равно отдаёте.

— Знаю, — глухо сказал отец. — Всё знаю. И про вино, и про девок его. Да только что мне делать? Я слово дал. И деньги... я уже и приданое тебе собрал, и сговорились мы. Да и что люди скажут? Мы уже и приглашения разослали. Ты молодая, Наталья, дай Бог, стерпится.

— Стерпится, — эхом повторила Наташа. И замолчала. Больше о том не говорили.

Моросил холодный дождь. Ветер срывал с деревьев последние, чудом уцелевшие листья и с жутким воем поднимал их в небо. Вдоволь наигравшись, он, словно капризный ребёнок, бросал их на землю, а сам принимался искать себе новую забаву.

Поднявшись на вершину склона, лошади почувствовали облегчение и резво понесли. Кучер их не сдерживал: он давно промёрз до самых костей и мечтал лишь о том, как бы поскорее добраться до дома. Но, как часто бывает, человек предполагает, а Бог располагает, — и на этот раз кучеру не повезло. В низине дорога оказалась размытой, и карета всеми колёсами угодила в трясиину. Выругавшись, кучер взмахнул кнутом. Лошади испуганно заржали, но выдернуть увязшую повозку не удалось.

— Что там, Степан? — раздражённо спросил пассажир, приоткрыв дверь кареты. Увидев, в чём причина остановки, он обречённо поднял глаза к небу и взмолился:

— Господь милостивый, только этого нам не хватало!

Отдав должное Богу, он перевёл взгляд на кучера и обрушил на него весь свой гнев. И было за что. Можно было без труда объехать эту топь: справа расстилалась прекрасная поляна, поросшая пожелтевшей травой. Но кучер — то ли по молодости, то ли по нерадению — этого не сделал. Пока хозяин изливал негодование на нерадивого слугу, их догнали двое всадников. Один — молодой человек лет двадцати пяти, красивый, статный голубоглазый блондин; другой — мужчина довольно зрелого возраста, смуглый, с горбинкой на носу. Несмотря на годы и достаточно полное телосложение, он лихо держался в седле и мог дать фору любому юнцу. Завидев владельца кареты, он широко улыбнулся.

— Иван Андреевич, голубчик, вы ли это? Да как же вы так неосторожно!

Иван Андреевич был не менее рад встрече. Спрыгнув с подножки кареты в непролазную топь, он решительно направился к ним навстречу. На нём были высокие кожаные сапоги, но всё же ему не без труда удалось вытащить ноги из трясины. Выбравшись, он подошёл к подъехавшим всадникам и поклонился.

— Кирилл Тимофеевич, какими судьбами? — приветствовал он пожилого господина. — Вы не представляете, как

я рад нашей встрече. За сегодняшний день это первое счастливое событие.

Он перевёл взгляд на молодого человека; тот уже спешил-ся и приветливо поклонился. Такая учтивость понравилась Ивану Андреевичу.

— Кирилл Тимофеевич, познакомьте меня с молодым человеком, — попросил он.

Кирилл Тимофеевич наконец спешил-ся. От кажущегося лихачества не осталось и следа. На ногах он выглядел ещё старше. Было по всему видно, что каждый шаг даётся ему с трудом и приносит немалые мучения.

— Мой племянник, княжич Пётр Николаевич Щетинин, сын моего родного брата Николая, моя правая рука и, надеюсь, продолжатель дела, — отрекомендовал своего спутника Кирилл Тимофеевич. — А это Иван Андреевич Пыреев, мой сосед и компаньон. Я тебе о нём рассказывал, Петруша.

Юноша согласно закивал.

— Давно хотел познакомиться с вами, — сказал Иван Андреевич, пожимая руку молодому человеку. — Ваш дядюшка много о вас рассказывал и, скажу по секрету, хвалил, описывая ваши достоинства. Надо сказать, дожидаться похвалы от вашего дядюшки не так-то просто. Этого нужно действительно заслужить.

— Ваша правда, впервые слышу, чтобы крёстный рассыпался передо мной в любезностях, обычно он меня больше бранит, — ответил юноша.

Оба друга рассмеялись.

— Лишняя хвала портит молодых людей, — отвечал дя-
дюшка, — а лишняя наука ещё никому не помешала. Так что
ты зря обижаешься, племянничек.

— Да что ты, крёстный, разве я обижаюсь...

Их беседу прервал голос молодой девушки, сидевшей в
карете:

— Папенька, я тоже хочу выйти, — попросила она.

Иван Андреевич протестующе покачал головой:

— Не стоит, доченька, здесь очень грязно, я еле ноги вы-
тащил. Да и дождь не располагает к прогулкам.

— Я устала, папенька, уже несколько часов в дороге, —
возразила девушка. — Да и сидеть неудобно: карета на бок
завалилась. Позвольте немного прогуляться. Мой плащ на-
дёжно укрывает от непогоды, так что не стоит беспокоиться.

Иван Андреевич вздохнул и махнул рукой — дескать, по-
ступай как знаешь, уже намереваясь дать указание Степану,
возившемуся с каретой, чтобы перенести дочь к нему на по-
ляну.

— Никак Наталья Ивановна? — опередил его Кирилл Ти-
мофеевич и широко улыбнулся. — Петруша, голубчик, что
же ты стоишь, помоги барышне выйти. Какой же ты нерас-
торопный, вот я, бывало, в твои годы...

И, пока Кирилл Тимофеевич вспоминал свои былые по-
двиги, Пётр не заставил себя уговаривать и решительно за-
шагал к карете. Девушка поначалу отпрянула, оба смущённо

смотрели друг на друга какое-то время, пока наконец княжич не протянул к ней руку:

— Смелее, Наталья Ивановна, — сказал он. — Обещаю, что буду очень осторожен и доставлю вас в целости и сохранности. Доверьтесь мне.

Барышня робко взглянула на незнакомца, не решаясь подать руку. Тот приветливо улыбнулся, видя её нерешительность.

— Ну же, — прошептал он.

Его улыбка, благородные черты, манеры наконец растопили лёд недоверчивости. Да и желание выбраться из увязшей кареты подтолкнуло к действию. Наташа подала руку и в ту же секунду оказалась в объятиях княжича. Тот бережно подхватил её на руки, словно драгоценную ношу, и вернулся к наблюдавшим за ними компаньонам, вручив девушку её отцу.

По всему было видно, что данное обстоятельство немало смутило молодых людей. Наталья Ивановна стояла, потупив взгляд, чувствуя, как горят щёки. Пётр же, наоборот, забыв о всех приличиях, смотрел на симпатичную барышню, не в силах отвести от неё взгляда, пока не почувствовал на плече руку дяди и его лёгкое похлопывание, которое помогло ему выйти из оцепенения.

Кучер тем временем метался вокруг упряжки, пытаясь исправить случившееся, но придумать ничего не мог. Заметив это, Кирилл Тимофеевич обратился к Ивану Андреевичу с

предложением принять его помощь. Проще всего было послать в имение Пыревых гонца, чтобы тот сообщил о случившемся и привёл подмогу. Вначале хотели послать Степана, но Пётр не согласился доверить ему свою лошадь, сказав, что лучше сам исполнит роль посыльного. Иван Андреевич почувствовал неловкость: его происхождение не могло идти ни в какое сравнение со знатностью юноши. И, конечно, он считал, что не вправе принять такую помощь. Выслушав приведённые доводы, Кирилл Тимофеевич только расхохотался.

— Поезжай, Петруша, — сказал он племяннику. — Не стоит кичиться своим происхождением, тем более, когда гордиться особо нечем: род Щетининых обеднел, да и к тому же в опале у императорского дома. А оставить без помощи попавшего в беду ближнего своего — вот что всегда считалось бесчестием в нашем роду.

Когда Пётр уехал, Иван Андреевич отослал дочь прогуляться, а сам завёл разговор с Кириллом Тимофеевичем о делах. У них была совместная ткацкая мануфактура, и им недавно удалось договориться о поставке продукции для нужд армии. Сделка была дорогостоящая, но выгодная. Пришлось приложить немало усилий и средств, чтобы пробить её, используя все связи, — но в конце концов дело увенчалось успехом. Теперь оставалось обсудить сроки поставок и прочие дела.

Примерно через полчаса вернулся Пётр с подмогой. Каре-

ту общими усилиями вытащили, и Иван Андреевич, как радужный хозяин, пригласил Петра и Кирилла Тимофеевича к себе. Он обещал угостить их отличным вином и показать свою гордость — конюшню. Иван Андреевич был заядлым лошадиником и много времени проводил в конюшне. Кирилл Тимофеевич вдруг согласился. Для Петра это было удивительно: на вечер у них были другие планы. Но он не посмел спорить с дядей и покорно принял приглашение.

В их честь был устроен роскошный обед. Иван Андреевич потчевал дорогих гостей, стараясь во всём им угодить. Кирилл Тимофеевич подтрунивал над компаньоном, напрасно пытаясь доказать хозяину, что высокое происхождение в их случае — дело второстепенное и как партнёры они находятся в равном положении. Хозяин отвечал, что такое предложение для него большая честь, но он всегда был сторонником субординации и потому просил изволения придерживаться принятого этикета. Кирилл Тимофеевич в ответ только махнул рукой и вынужден был согласиться...

После обеда все вышли прогуляться в сад. Кирилл Тимофеевич неожиданно попросил аудиенции. Иван Андреевич предложил пройти в беседку и велел всем оставить их. Пётр тем временем пригласил Наталью Ивановну прогуляться. Девушка не посмела отказать гостю. К тому же она находилась под строгим присмотром своей тётушки, неотступно следовавшей за ними. Та не приближалась к молодым, не вмешивалась в разговор и вообще была похожа на бредущую

тень. Да и старики то и дело поглядывали в сторону молодых: предметом их разговора были именно Пётр и Наташа.

— Иван Андреевич, — говорил Щетинин, — я беру это дело на себя. Что касается Петра, то, думаю, проблем не будет: крестник мой во всём мне доверяет, и моё мнение для него будет решающим. Что до моего брата Николая, отца Петра, то от него молодые вряд ли до свадьбы дождутся благословения. Этот упрямец не хотел пускать Петра даже ко мне. Он считает, что дело, которым я занимаюсь, недостойно княжеского происхождения. Но военная служба для Петра невозможна, а имение брата скорее всего достанется старшему сыну, Фёдору. А кем будет при нём Пётр? Я хорошо знаю Фёдора: жадный, властный, да к тому же умом не блещет, но зато так же, как его отец, напичкан бреднями о своём высоком происхождении. Хотя все соседи в округе смеются над ними. Что стоит имя, когда дома есть нечего?

Он помолчал, перевёл дух и продолжал:

— А Петруша — он умница. Я его ещё в детстве заприметил. Отец недолюбливал его за пытливый ум да непокорные речи: не мог парень согласиться со своим положением. На всё был наложен запрет. Да за каждую провинность наказывал его как холопа, кнутом сек. Я его тайно, еще отроком, из дома забрал, подговорил — он и сбежал. Потом долго прятал от родного отца. Поругались мы с братом из-за этого мальчика крепко, а Пётр так к отцу больше ни разу на глаза и не явился, как я его ни уговаривал. Не может простить ему своего

детства.

Кирилл Тимофеевич вздохнул и закончил уже спокойнее: — А у меня, сам знаешь, наследник он один. Андрея, сына своего, царство ему небесное, я не уберёг. Петруша — мой законный наследник. После кончины всё ему отпишу. Дело моё он хорошо знает, я ему как себе доверяю, так что Наташенька твоя нужды с ним ни в чём знать не будет. Да и княжеский титул ныне много значит: перед ним двери многих домов открываются. В этом ты сам мог убедиться, когда мы ради дела нашего хлопотали. Только одного я ему дать не могу — того, что у него и так есть. А он — может. С ним и род наш, глядишь, из опалы выберется.

— Кирилл Тимофеевич, — пробовал возражать Иван Андреевич, — как же я посмею? Мы, простолюдины, — и вдруг, за отпрыска княжеской фамилии? Не по нам честь такая. Как я людям в глаза взгляну? Да и Наташенька моя... не о том она думала. Ей ли за княжича идти?

— Вот и хорошо, что не думала, — отвечал Кирилл Тимофеевич. — За умного человека пойдёт, не за титул. А титул — дело второстепенное. Да и кто тебе, тестю княжича, что-либо сказать осмелится? Ну, соглашайся, упрямый ты старик, да мы, породнившись с тобой, такие дела закрутим — иным заводчикам впору позавидовать. А Курлыкин Наташу счастливой не сделает. Один позор, да и только, от такого родства.

Пока старики решали судьбу молодых, те наслаждались

обществом друг друга. Робость, которая охватила поначалу Петра и Наташу, как-то сама собой незаметно прошла. Наталья Ивановна оказалась очень милой собеседницей. Она была достаточно образованна для своего времени и читала не только развлекательную, но и научную литературу, поэтому голова её была полна таких познаний, какие редко встретишь у девушек её круга. Иван Андреевич денег на её обучение не жалел. К ней ходили учителя, выписанные из Москвы, а в доме была собрана немалая библиотека. Оттого и разбиралась она и в медицине, и в астрономии, и в астрологии, которые уживались в её голове с рассказами няnek и деревенскими поверьями. Но это делало её доводы не менее интересными. Через несколько минут после начала их беседы Наташа была обо всех правилах, которыми пичкали её строгие воспитатели, и вступила с Петром в дискуссию на волновавшую обоих тему.

— Вы можете себе представить, — говорила она, — что обычная луна, что каждую ночь восходит над нашим домом, не только освещает нашу землю, но и влияет на нашу жизнь, управляет стихиями?

— Какими, например? — удивлённо спрашивал княжич, до этого даже никогда не задумавшийся об этом.

— Например, луна влияет на движение водной стихии. Приливы, отливы — всё это действие луны. Об этом писал ещё древний грек Посидоний, — делилась своими познаниями девушка, — а Ньютон в минувшем веке доказал это ма-

тематически.

Пётр был в восторге и не сводил с неё глаз. Её живой ум и выразительная внешность покоряли его с каждой минутой. Пётр и сам много читал, и дядя не жалел денег на его образование, но то, что это невинное создание носило в голове такой кладёзь учёности, разбивало в прах вековые представления о женщине, которой будто бы назначено быть при мужчине лишь матерью и женой. Наталья Ивановна являла собой образец того, что женщина может быть ещё и другом, и добрым советчиком. И уже не в первый раз за этот вечер он ловил себя на мысли, что эта девушка — именно та, с кем он согласился бы прожить всю жизнь.

После вечернего чаепития Щетинины стали собираться домой. Оба были довольны и оказанным гостеприимством, и с пользой проведённым временем. Кириллу Тимофеевичу всё же удалось уломать своего упрямца-компаньона. Они сумели договориться и назначили день помолвки. И о чём ещё не догадывался его племянник.

Когда они уже были на значительном расстоянии от дома Пыревых, старший Щетинин вдруг разразился хохотом.

— Ты чего, крёстный? — удивился Пётр.

— Ну и прохвост этот Пыреев, — давясь смехом, отвечал Кирилл Тимофеевич. — А всё-таки я этого прощелыгу превзошёл. Я ведь знал, что он Наташу свою хотел за купца Курлыкина отдать. Богатство от отца тому осталось немереное. И так, и сяк перед этим безмозглым сопляком, словно

павлин, хвост распускал. А тому пьянице всё некогда, да и зачем ему жена — у него каждый день новая деваха, на всё готовая. А этот старый скупердяй, кроме денег Курлыкина, видеть ничего не желал. И дочери своей не жалел. Вот что деньги, Петруша, с людьми делают.

— Так вы, крёстный, стало быть, никак их свадьбу расстроили? — удивился Пётр, огорчённый известием о сватовстве Натальи Ивановны.

— Вот именно, Петенька.

— Но как же вам это удалось?

— А я ей другого жениха нашёл.

— Вот как? — ни о чём не догадываясь, отвечал Пётр и тут же спросил, смеясь: — И кто же этот счастливчик?

— Ты.

— Я? — переспросил юноша, и улыбка тут же сошла с его лица. — Но, крёстный, — возразил он, — зачем ты это сделал? Я не могу жениться на этой девушке. Отец мне этого никогда не позволит, а ещё больше будет сердиться на меня. Ты же сам говорил, что я должен наладить отношения с отцом, а теперь делаешь так, что примирение для меня станет невозможным.

— Учил я тебя, учил, крестник, а ты так ничего и не понял, — Кирилл Тимофеевич глубоко вздохнул. — Пётр, тебе сколько лет? Пора, батенька, своим умом жить. Твой отец давно отстал от жизни. Жить по его понятиям — значит загубить себя и дело. Да пойми ты это. Сам Пётр Великий, цар-

ство ему небесное, не гнушался простолюдинами. Наоборот, способных людей поощрял и возвышал. Ибо мудрым был.

— Не пойму, к чему всё это, дядя, — спросил уязвлённый Пётр. — Причём здесь наша свадьба?

— Да всё к тому же, — повысил голос Кирилл Тимофеевич. — Отказываясь от Наташи, ты губишь свою жизнь и жизнь этой девушки. У тебя нет другой возможности подняться, кроме той, что сам Бог даёт тебе в руки. Наташа — славная девушка, а у её отца есть капитал, который ты можешь увеличить в несколько раз и сделать своё существование безбедным. Да ко всему прочему подумай об этой бедной девушке: что ждёт её в браке с этим пьяницей Курлыкиным? Он спустит отцовское состояние и состояние этого дурака Пыреева, и в конце концов окажутся оба на улице. А зная тебя, я могу быть уверен, что ты сумеешь сделать эту девушку счастливой. Неужели тебе безразлично, что с ней будет? Мне показалось, что она тебе понравилась.

«И ведь прав крёстный, — подумал Пётр. — Курлыкина я знаю: пьяница и мот, каких мало. Пропадёт Наташа с ним». Но вслух ничего не сказал, а снова попытался возразить дяде.

— Ну, а как же отец? — спросил он.

— Опять за своё, — не выдержал Кирилл Тимофеевич. — По-моему, ты свой выбор сделал десять лет назад. Но если так желаешь, я могу поехать к нему и попробовать убедить его в необходимости этого брака. Хотя заранее знаю, каков

будет его ответ. Зато он никогда не сможет упрекнуть тебя в том, что ты не известил его о свадьбе.

Такое решение дяди пришлось Петру по душе. Он настойчиво стал просить его съездить к отцу, а со своей стороны обещал при любом исходе дела жениться на дочери Пыреева.

— Хорошо, — согласился дядя, — я это сделаю, но только после вашего обручения. Тем более что день уже назначен, и я при всём своём желании не смогу поспеть известить твоего отца.

— Как назначен? — удивился Пётр; он был просто сражён таким поведением дяди. — Ты это сделал, даже не посоветовавшись со мной?

— А с каких это пор молодых стали спрашивать о таких вещах? — спокойно рассуждал Кирилл Тимофеевич. — Меня с моей Варюшей на свадьбе только и познакомили. И ничего — живём который десяток лет душа в душу и не жалуемся. И чего тянуть? Куй железо, пока горячо. А то этот паразит Курлыкин, не дай бог, объявится и всё дело сорвёт. Ведь Наташа уже сосватана за него. После сговора жених загулял и больше так у Пыреевых и не объявился. Иван Андреевич дал Курлыкину ещё неделю сроку. И если тот не явится, их помолвка будет расторгнута. В настоящее время его люди разыскивают этого пьяницу по всей Москве. У меня есть кое-какие сведения, где может находиться этот господин. И будь уверен, я сделаю так, что этого молодца не найдут ещё месяца полтора. Так что господин Пыреев скоро сам будет

умолять меня как можно скорее заключить ваш союз, так как слухи о разрыве помолвки уже начинают кое-где появляться. Грех было бы этим не воспользоваться. Так что через две недели, как раз в субботу, Петечка, поедem тебя сватать. А на святки, глядишь, и свадьбу сыграем.

Как ни был Пётр озадачен поведением дяди, перечить ему больше не посмел. «Да и в конце концов, — рассуждал он, — ведь дядя для меня старается, и было бы чёрной неблагодарностью ответить ему отказом. Да и Наташа, девушка, по моему, замечательная». Он улыбнулся, вспоминая её милое личико, белокурые волосы, туго заплетённые в косу, маленький, чуть задранный кверху носик, что делал её так похожей на капризного ребёнка, и большие, с яркими искорками серо-голубые глаза.

«Девуца действительно хороша, — продолжал размышлять Пётр. — И чего я заупрямился? Только вот папенька... Он ни за что не согласится принять Наташу. А без родительского благословения не будет нам счастья».

С такими мыслями Пётр и Кирилл Тимофеевич наконец добрались до своего поместья. Темнело, и дома уже волновались. Варвара Аркадьевна собиралась выслать навстречу людей — узнать, не случилось ли чего в дороге. Их приезд успокоил наконец не находившую себе места бедную женщину. Пётр отказался от ужина: он до смерти устал и от дороги, и от всей этой истории с женитьбой. Попросив у тётушки и дяди прощения, он отправился спать. Кирилл Тимофеевич

тоже не был голоден и потому попросил подать только вина и лёгкой закуски. Он рассказал Варваре Аркадьевне обо всём, что произошло, и та, привыкшая во всём соглашаться с мужем, и в этот раз лишь истово перекрестилась и пожелала удачного исхода задуманному предприятию. Но, узнав, что Кирилл Тимофеевич хочет поехать к своему брату, чтобы просить за Петра, женщина забеспокоилась и стала отговаривать мужа. Она до смерти боялась отца Петруши и очень переживала за мужа: в гневе Николай был похож на зверя. Он при встрече не раз кидался с кулаками на Кирилла Тимофеевича из-за всякого пустяка, да и отношение его к Петру, родному сыну, тоже не делало ему чести...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.